

УДК 800:398.9

ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ И ИМПЛИЦИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Николаева Елена

Российский государственный гидрометеорологический университет,

Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена вопросу расширения и сужения компонентного состава пословиц как проблеме диахронического анализа фразеологии и как средству создания языковой игры.

Ключевые слова: эксплицитность, имплицитность, пословица, фразеологизм, историко-этимологический анализ.

Процесс импликации, эллипсиса, редукции, усечения – всеми этими терминами современные исследователи обозначают процесс сокращения языковых знаков фразеологического характера, на который одним из первых обратил внимание А. А. Потебня, положив в основу такого движения процесс «сгущения мысли» [10, с. 520]. Именно благодаря его концепции до сих пор во фразеологических исследованиях переоценивается роль имплицитности. Трудно не согласиться с тем, что многие фразеологизмы (далее – ФЕ) возникли в результате сокращения компонентного состава пословиц (например, *не до жиру* или *ни в зуб ногой*), но прав ли был, например, Б. А. Ларин, один из основоположников историко-этимологического направления во фразеологии, заявляя, что «очень и очень редко происходил процесс обратного направления: древние сжатые лаконичные формулы идиоматического типа развертываются, раскрываются в более полный, вразумительный образ» [5, с. 142–143]? Хотя его несомненной заслугой является уже сам факт обращения внимания на этот процесс. Известные русские филологи Д. С. Лихачев и М. Л. Гаспаров, не занимавшиеся специально фразеологическим составом языка, тем не менее, тоже обращали внимание на «укороченные» (термин Д. С. Лихачева) [6, с. 435] или «усохшие» (термин М. Л. Гаспарова) [3, с. 179] пословицы. Интересно, что у них даже не возникало сомнений по поводу исконности (первичности) именно развернутой формы пословицы, они не допускали возможности позднейшего эксплицирования пословиц. Д. С. Лихачев даже отметил, что «восстановление **первоначальной полной** формы поговорок могло бы быть темой особой научной работы (и очень важной)» [6, с. 436].

Это, безусловно, так, но всегда ли именно полная форма является первоначальной? Рассматривая выражение *лиха беда начало*, Д. С. Лихачев возводит его к высказыванию Петра I «Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остальные все там будут», которое он произнес, по преданию, когда первым в 1702 году стал вбивать свайку в особенно бурной реке, переводя свои фрегаты из Белого моря в Онежское озеро. Д. С. Лихачев полагает, что это высказывание

проясняет внутреннюю форму «укороченной пословицы» (почему начало – это беда), которая когда-то существовала именно в таком развернутом виде [6, с. 436]. Однако аналогичные по смыслу пословицы («начало любого дела трудно») известны с глубокой древности и встречаются уже в латинском языке (*Omniium quidem rerum primordial sunt dura, Omne initium difficile*), не говоря о современных (ср. польск. *Początek każdej rzeczy jest trudny*; нем. *Aller Anfang ist schwer*). Эпитет *лиха* к слову *беда* делает их русскую параллель оригинальной, однако интернациональная образная основа сохраняется. И впоследствии варианты этого устойчивого выражения *лиха беда начало* (*начать*), *лиха беда почин* эксплицировалась в русском языке самыми разнообразными способами, превращаясь в красочные, образные, часто иронические пословицы: *Лиха беда начало, а там уж близок и конец*; *Лиха беда начало: есть дырка, будет и прореха*; *Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха*; *Лиха беда начать, а там все пойдёт как по маслу*; *Лиха беда одной беде прийти, а победы с ног собьют*; *Лиха беда полы шинели завернуть, а там пошёл*; *Лиха беда кафтан нажить, а рубаху можно и дома сшить*; *Лиха беда хлеб нажить, а с хлебом можно паном жить*; *Лиха беда умереть, а там похоронят*. Само обилие и разнообразие экспликаций свидетельствует об их вторичности по отношению к образному стержню. Но процесс импликации в пословице *лиха беда начало* тоже имел место: она дала жизнь фразеологизму *не лиха беда* со значением «нетрудно, не мудрено» [2, с. 34].

В. М. Мокиенко еще в 1980 г. в монографии «Славянская фразеология» весьма убедительно доказал, что процесс эксплицирования является одним из активнейших способов фразеологического словообразования, особо отметив, что «недооценка эксплицитности особенно характерна для анализа взаимоотношений пословиц и фразеологических единиц» [9, с. 119]. Однако в 2003 г., намечая перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии и в качестве отдельного направления исследования выделяя целенаправленный диахронический анализ пословиц как источника ФЕ, с одной стороны, и как продукта их эксплицирования – с другой, он был вынужден опять с сожалением констатировать, что «мы, фразеологи, часто подгоняем под процесс «сгущения» пословицы в поговорку спорные или явно не соответствующие этому процессу случаи» [8, с. 577]. Дальнейшее развитие этимологического направления в исследовании ФЕ, а также успехи современной русской и славянской фразеографии позволяют нам сегодня вполне обоснованно судить о процессах, происходящих (или уже произошедших) в русском пословичном фонде.

Так, обратимся к списку «усохших» пословиц М. Л. Гаспарова: *Голод не тетка, пирожка не подсунет. Рука руку моет, да обе свербят. Чудеса в решете: дыр много, а выйти некуда. Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса. Губа не дура, язык не лопата. Хлопот полон рот, а перекусить нечего. Шито-крыто, а узелок-то тут. Собаку съели, хвостом подавились. Собачья жизнь: брехать нужно, а есть нечего. Ума палата, да ключ потерян. Копейка ребром, покажися рублем. Смелым бог владеет, а пьяным черт качает. Дураку хоть кол теши, а он своих два ставит. Лиха беда начало: есть дыра, будет и прореха. Все люди как люди, а мы как мыслете. Два сапога пара, оба левые* [3, с. 179].

Из 16 приведенных М. Л. Гаспаровым единиц в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» (далее – БМС) удалось обнаружить этимологии 11 выражений, при этом 9 из них являются примерами эксплицирования поговорок (ФЕ): *голод не тетка* [1, с. 152]; *рука руку моет* [1, с. 605]; *чудеса в решете* [1, с. 759]; *ни рыба, ни мясо* [1, с. 616]; *собаку съест* [1, с. 652]; *собачья жизнь* [1, с. 225]; *ума палата* [1, с. 711]; *хоть кол на голове теши кому* [1, с. 317]; *два сапога пара* [1, с. 623].

В двух единицах из списка М. Л. Гаспарова исконной в БМС признается их расширенная форма: *зуба не дура, язык не лопата* (в БМС: *зуба не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко*) [1, с. 170]; *хлопот полон рот, а перекусить нечего* [1, с. 732].

Не вызывает сомнения и первичность пространной формы пословицы *Смелым бог владеет, а пьяным черт качает*. Обращение к «Большому словарю русских пословиц» (далее - БСРП) показывает, что пословица в этой форме (правда, с глаголом *шатает*) фиксируется с начала XVIII в. и что усеченные варианты этой единицы вообще не регистрируются в сборниках: *Смелым Бог владеет (владеет), а пьяным чёрт качает* – Сн. 1848, 377; Д 2, 99; Д 4, 241, 597; Мих. 2, 282; Тан. 1986, 139; *Смелым Бог владеет, а пьяным чёрт шатает* – Петр. галер. нач. XVIII в., 35; СР 2, 231; СПП 2001, 125; Тан. 1986, 139 [7, с. 69].

Несколько сложнее обстоит дело с пословицей *Все люди как люди, а мы как мыслете*, извлеченной Гаспаровым, видимо, из словаря В. И. Даля. В БСРП мы находим и другие ее варианты: *Все люди как люди, а мы – как безлюдья* – Богд. 1741, 72; *Все люди как люди, а вы – как телятники*. Яросл. – ЯОС 5, 13; *Все люди как люди, один чёрт в колтаке* – Д 2, 143; Д 4, 597; Мих. 1, 135; *Все люди как люди, а мой муж как поршень* – ДП 1, 117; *Все люди как люди, а ты как х.. на блюде*. Неценз. – Тан. 1986, 32; *Все люди как люди, а ты как ишии на блюде*. Эвфем. – Тан. 1986, 32 [7, с. 505]. С одной стороны, начальная часть пословицы представляет собой устойчивый структурный и семантический стержень, на который нанизываются разные контексты, что может свидетельствовать о развертывании поговорки. С другой, первая фиксация этого выражения в сборнике А. И. Богданова первой половины XVIII в. подтверждает исконность расширенного состава. В пословице представлена оппозиция: обычный человек – необычный (отличающийся от других) человек (*Все люди как люди, а мы – как безлюдья*), которая поддерживается и в некоторых последующих контекстах БСРП.

Что дает право историкам фразеологии настаивать на первичности той или иной формы? Это анализ вариантов, сравнение с другими языками, ареал распространения, первая (или наиболее ранняя) фиксация – т. е. использование принципов этимологического анализа, разработанных Н. И. Толстым. Однако всегда ли необходим подобный анализ? Ведь во вторичности последних 2-х вариантов выражения (*Все люди как люди, а ты как х... (ишии, хрен) на блюде*), думаю, никто не усомнится. Что дает нам такую уверенность? Почему мы сразу чувствуем языковую игру? И дело здесь не только во времени фиксации. В этих выражениях, построенных как развернутые сравнения, нет оснований для сопоставления, уподобления. Сравни оппозиции в других вариантах: *люди – безлюдья; люди –*

тенятники «ненужный, бестолковый человек»; *люди* – *мыслете* «люди, имеющие отклонения от нормы поведения, не от мира сего». Кстати, возможно и по-другому, с позиций языковой игры, интерпретировать вариант *Все люди как люди, а мы как мыслете*. Пословица может строиться на игре значениями слов-омонимов: *мыслете* – люди, имеющие отклонения от нормы поведения, не от мира сего (11, с. 61) и *мыслете* – название буквы *м* церковно-славянского алфавита: *Все люди как люди, а мы как м...*, где *м* может подвергнуться дальнейшему разворачиванию в слово *муде* (дв.) «мужские половые железы, яички». Тогда полную форму этой пословицы можно было бы представить в виде: *Все люди как люди, а мы как муде*. В пользу этой версии говорит и то, что: 1) *людие* (ср. *люди*) – это тоже название буквы церковно-славянского алфавита (*л*), а, следовательно, может рассматриваться как дополнительный компонент языковой игры; 2) значение ‘люди, имеющие отклонения от нормы поведения’ диалектное, фиксируется лишь в Словаре русских народных говоров, а В. И. Даль этот компонент пословицы воспринимал как старинное название буквы *м* [4, с. 365]. Именно это значение отражено в его словаре и в другой ФЕ с этим компонентом *писать мыслете*.

Если принять это допущение, то тогда пословица В. И. Даля окажется прародительницей современных нецензурных и просторечных вариантов рассматриваемой пословицы (*Все люди как люди, мы как хрен на блюде (как шиш на блюде, как х.. на блюде)*).

Грубая ирония, присущая этим пословицам, создается за счет неожиданности образа сравнительной части и, возможно, в большей степени за счет рифмы. Обратите внимание, что это единственные рифмованные варианты в рассматриваемом ряду. Вопреки распространенному мнению, что рифма – прерогатива исконных пословиц, мы позволим себе утверждать, что именно рифма (облегченная, упрощенная) в ряде случаев может служить (а не служит – sic!) сигналом искусственно созданных пословиц, в нашем случае – поговорок, развернутых в пословицы. Посмотрите, например, на так называемые «псевдопословицы» – искусственно созданные пословицы для прославления достижений советского строя: *Спасенья не чай, когда рубит Чапай; В колхоз пойдешь – богато заживешь; Советская молодежь – веселее не найдешь*. Большинство подобных пословиц – рифмованные, причем, рифмы в них весьма незатейливые.

Возвращаясь к списку рассматриваемых пословиц, обратим внимание на их семантику: добавленная часть этих поговорок, как правило, приводит к их частичной демегафоризации, к актуализации прямого значения компонентов этих словосочетаний, за счет чего создается ирония, игра прямым и переносным значением, например: *два сапога пара, оба левые; собачья жизнь: брехать нужно, а есть нечего*. В некоторых из этих единицах ирония, насмешка в добавленной части разрушает фразеологическое значение, меняя его на противоположное: *собаку съели, хвостом подавились; ума палата, да ключ потерян*.

Таким образом, если словари фиксируют сокращенный вариант пословицы (ФЕ), а расширение придает иронический (саркастический) оттенок или же меняет значение единицы, то это уже знак того, что произошла экспликация ФЕ, а не

забвение исконной формы пословицы. Другими словами, именно наличие языковой игры может служить знаком, сигналом «искусственного» расширения единицы для этимологов.

Показательно, что именно на этом (особенно на добавлении не отдельных слов, а предикативной части) и построена языковая игра в современных антипословицах, которые существуют вне контекста в качестве шутливых высказываний, мини-анекдотов и могут претендовать на статус узуальных: *Тише едешь – дальше будешь (от того места, куда едешь); С милым рай и в шалаше, если милый атташе; Каждой твари – по паре (как говорил некий преподаватель на экзамене).*

Интересно, что экспликация гораздо шире представлена в современных трансформациях пословиц такого типа, видимо, потому что создает больше возможностей для создания игры смыслов, нежели импликация. В качестве языковой шутки импликация возможна в случаях неожиданного обрыва пословицы (иногда в середине слова), в результате чего изменяется ее значение: *Плох тот солдат, который не хочет...; Там хорошо, где нас...; Не рой другому яму сам.* В диссертационном исследовании Н. Н. Федоровой «Современные трансформации русских пословиц» приведено только 11 единиц, трансформированных методом импликации, и только 6 из них содержат элементы языковой игры [12, с. 180], в то время как эксплицированные единицы представлены 54-мя пословицами [12, с. 177–179].

Возвращаясь к основной теме доклада, хотелось бы еще раз предупредить фразеологов, занимающихся этимологическими разысканиями, о неправомерности переоценки роли имплицирования при образовании ФЕ. Многие пословицы, закрепившиеся в языке и зафиксированные в сборниках XVIII – XIX вв., являются эксплицированными вариантами поговорок. И одним из сигналов (не доказательством!) позднейшего развертывания единицы может служить, как представляется, факт наличия в их структуре и семантике элементов языковой игры, что, впрочем, не исключает необходимости этимологического анализа.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва: Изд-во «Астрель», «АСТ», «Люкс», 2005. – 926 с.
2. Войнова Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / Под ред. А. И. Молоткова – [4-е изд., стереотип.] – Москва: Изд-во «Русский язык», 1986. – 543 с.
3. Гаспаров М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – Москва: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2000. – 416 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 2. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1979. – 779 с.
5. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – Москва: Изд-во «Просвещение», 1977. – С.125–162.
6. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачев. – Ленинград: Изд-во «Советский писатель», 1989. – 608 с.
7. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.: Изд-во «ЗАО ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

8. Мокиенко В. М. Перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии / В. М. Мокиенко // *Rossica Olomucensia XLII za rok 2003 – Olomouc, 2004.* – С. 571–582.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1980. – 207 с.
10. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня // *Эстетика и поэтика.* – М. : Изд-во «Искусство», 1976. – С. 464–560.
11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 19. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1983. – 359 с.
12. Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. / Н. Н. Федорова. – Псков : Псковский государственный педагогический университет, 2006. – 234 с.

Ніколаєва Олена. Експлікування та імплікування прислів'їв як засіб мовної гри / Олена Ніколаєва // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 315–320.

Стаття присвячена питанню розширення й звуження компонентного складу прислів'їв як проблеми діахронічного аналізу фразеології і як засобу створення мовної гри.

Ключові слова: експліцитність, імпліцитність, прислів'я, фразеологізм, історико-етимологічний аналіз.

Nikolaeva Elena. Explicit and Implicit Use of Proverbs as a Type of Wordplay / Elena Nikolaeva // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 315–320.

Expansion and shortening of proverbs are discussed in this paper both as diachronic phenomena and as a strategy of wordplay.

Key words: implicit use, explicit use, proverb, phraseological expression, historical and etymological analysis.

Стаття надійшла до редакції 22 березня 2012 року